

Тот день Сяо Хэ помнил до мельчайшей детали.

Именно тогда он впервые осознал, что он — другой.

Холодная чешуя. Непривычно низкий угол зрения. Всё вокруг казалось новым, незнакомым — и лишь визг приёмных родителей за спиной оставался прежним, таким же раздражающим, как всегда.

Почему это произошло?

Сяо Хэ и сам толком не понимал. Смутно помнил лишь одно: ремень хлестал по телу нещадно, кровь сочилась из ран, рассыпанных по всему телу — там, там, и ещё там.

Он стиснул зубы, не издав ни звука.

Приёмная мать, видно, решила, что он слишком спокоен, а раны — слишком малы. Она принесла соль, поднесла к его ранам с широкой улыбкой на лице и принялась сыпать.

Было больно. Невыносимо больно.

Боль вырвала из горла рёв — и мир перед глазами вдруг стремительно изменился.

Он словно стал ниже. Но это его устраивало — потому что на уродливых физиономиях приёмных родителей впервые за всё время читался страх.

Повинуясь инстинкту, он взмахнул хвостом и выбил ремень из руки приёмного отца.

— Чу... чудовище!

— Палка... где палка?! Быстро... быстро убейте его!

Оба метались по комнате, в панике перебирая всё подряд, ища хоть что-нибудь, чем можно ударить.

— Нож! Нож, да! На кухне! — приёмная мать взвизгнула и, трясаясь, бросилась в сторону кухни.

Сяо Хэ моргнул. В следующий миг он уже стоял перед ней — появился из воздуха — и со всей силы хлестнул хвостом по голове.

Глухой удар. Женщина рухнула на пол.

— А-а!

Приёмный отец закричал, глаза распахнулись от ужаса, ноги мелко задрожали. Он пятился, пятился, всякая мысль о сопротивлении вылетела из головы.

Сяо Хэ чуть склонил голову набок — и метнулся вперёд. Хвост, толщиной с ведро, дважды дёрнулся в воздухе и с хлётким звуком впечатал уродливого мужчину в пол. Тот потерял сознание.

После этого Сяо Хэ замер.

Первый раз в жизни такое. Но ни малейшей неловкости. Руки превратились в лапы с когтями — слишком короткие в сравнении с его длинным телом, почти бесполезные. Всё же он смотрел на них без тревоги.

Кем он был? Чудовищем?

Наверное.

Он бросил взгляд на лежащих без сознания приёмных родителей и вышел из дома, не обернувшись.

Возвращаться он не собирался.

Убивать их он не стал. Просто вырубил. Не из благодарности — её в нём не было ни капли. Просто два трупа в доме означали бы лишние проблемы.

Всё-таки он официально числился их сыном.

Пусть ни единого мгновения родства он так и не почувствовал.

Приёмный отец называл его байстрюком. Сяо Хэ не возражал — он и правда был найден в дикой местности, обнаружен участниками экспедиции и лишь потом возвращён в человеческий мир. Эта парочка умела прекрасно держать маску: на людях — мягкие, приветливые. Участники той самой экспедиции приняли их за порядочных людей и с чистой совестью отдали им Сяо Хэ.

Только сам он знал правду.

Они оба были законченными психопатами. Скрывать садистские наклонности им не удавалось — они тайком воровали кошек и собак, сдирали с них шкуру, вытягивали жилы, пили кровь и получали от этого удовольствие.

С Сяо Хэ они не решались заходить так далеко — но изощрялись как могли, вымещая на нём всё, что только приходило в голову.

Рана. Корка. Корку срывали насильно. Новая рана. Заживление.

Таков был его быт на протяжении нескольких лет — боль, изнурение, безнадёжность.

Он почти ничего не ел, но тело было на удивление крепким. Столько жестокого обращения — обычный ребёнок давно был бы весь в синяках и шрамах. Но только не он. Он заживал слишком быстро. Неестественно быстро.

Это их и устраивало. Именно поэтому они его кормили, даже отправляли в школу. И именно благодаря этому Сяо Хэ в своё время прозрел.

Раннее взросление — это не только среда. Это ещё и знания.

Понять самые основы устройства мира и людских отношений — значит выработать собственный взгляд на всё вокруг.

Возможно, именно зрелость разума позволила ему в тот день — когда издевательство повторилось снова — пробудить в себе нечто своё.

Он не понимал, что именно в нём проснулось. Но инстинктивно чувствовал: такой, как он есть, — он не вписывается в этот мир.

Поэтому, выйдя из дома, он принял человеческий облик.

Идти было некуда. Он просто шёл — долго, очень долго.

Наконец устал.

Свернул в переулок. Там сидел подросток — со змеей.

Сяо Хэ видел заклинателей змей раньше. Но этот мальчик был другим. Он скорее... разговаривал с ней.

Впрочем, ему до этого не было никакого дела.

Сейчас ему нужно было одно: отдохнуть. А мальчик стоял на пути.

Сяо Хэ сощурился. Всё его существо дышало злобой.

Дети, выросшие в таких условиях, кроткими не бывают.

Но подросток лишь поднял голову, мельком взглянул на него — и молча сунул змею за пазуху. После чего развернулся и дал дёру.

Сяо Хэ застыл. Этого он не ожидал.

Видно, это и называется: умный знает, когда отступить.

Он завладел переулком, сел в углу и уставился в одну точку. Думал о многом — но ни до чего не додумался.

Так и сидел, не шевелясь, пока перед ним не появился другой мальчик.

Красивый. Бледнолицый и мягкий на вид, с чуть пухлыми щеками — такими, что хотелось потрогать. Звёздные глаза смотрели настороженно и немного испуганно.

С первого взгляда было понятно: маменькин сынок, избалованный и холёный.

Сяо Хэ непроизвольно сдержал себя, приглушил ауру — не хотел пугать этого нежного мальчика до смерти.

Но тот сделал нечто неожиданное: шагнул прямо к нему и протянул руку.

Сказал, что хочет дружить.

Глупейшие слова. В сочетании с невозможно серьёзным лицом — просто до смешного трогательные.

Но сердце вдруг забилося чуть быстрее.

Потому что друзей у него никогда не было.

Он прищурился, внимательно разглядывая мальчика. Тот явно боялся — взгляд блуждал, в глаза смотреть не решался. Но именно это — испуганный, однако упрямо держащийся — казалось ему почему-то... милым.

Не дождавшись ответа, мальчик принялся сыпать доводами — беспорядочно, торопливо, пытаясь доказать, что дружить с ним выгодно.

Карманные деньги. Игрушки. Игры. Родители.

Всё то, чего у Сяо Хэ никогда не было. Слова зацепили что-то нехорошее внутри.

Он ответил холодно — отказал.

Думал, на том и конец.

Но мальчик вдруг с совершенно серьёзным видом поставил ему ультиматум: будет доставать, пока не согласится.

Сяо Хэ растерялся. Этот тип был мил до неприличия — так мил, что отказывать было почти невозможно.

Он согласился.

Мальчик улыбнулся.

Лучи закатного солнца упали на его нежное лицо — и в тот миг Сяо Хэ увидел ангела.

Улыбка была заразительной. Что-то в нём — давно задубевшее, тёмное — вдруг потеплело.

Он подумал: дружить с таким человеком — это, пожалуй, неплохо.

И тут мальчик спросил: а где его змея?

В одно мгновение всё стало ясно.

Мальчик обознался.

На душе стало чуть пусто. И одновременно — всё понятно.

Он сказал мальчику, что ещё не поздно передумать. А сам в этот момент думал лишь об одном: как бы найти того парня со змеей и хорошенько его отделать.

Но — к счастью — мальчик сказал, что передумывать не намерен.

Сяо Хэ вынырнул из воспоминаний.

Улыбка сама собой не сходила с лица.

Стоило подумать об А-Бае — и настроение поднималось без всяких усилий.

Если вдуматься, их первая встреча не была ничем особенным. Никакого судьбоносного столкновения, никакой высокой драмы. Он помнил её так ясно не потому, что тогда произошло что-то значительное.

Просто потому, что там был Ду Мэньбай.

Не событие. Человек.

Когда человек занимает в твоей жизни место, которое уже никто другой не займёт, — все прежние воспоминания о нём начинают светиться по-другому. Даже самое обычное — как будто пропущено через особый фильтр, делающий всё прекраснее.

А то, что произошло тогда, и вовсе было чем-то большим. Настоящим спасением.

Тогдашний Сяо Хэ был весь — тьма и холод.

Он выстроил вокруг себя стену — плотную, без единой щели, не пропускавшую никого. Он был уверен, что эту стену не пробить.

Но А-Бай пробил.

Своей глупостью и искренностью — просто врезался в неё и оставил трещину.

А там, где есть трещина, появляется свет.

А свет разгоняет тьму.

<http://bllate.org/book/18414/1796234>